

*Иеромонах Павел (Коротких),
преподаватель КДС, кандидат богословия*

ЭОН И ХРОНОС в Священном Писании и Предании

Перевод книг Ветхого Завета на древнегреческий язык стал серьезным шагом в формировании понятийных связей эллинизированного мира древних языческих религий и иудаизма. При этом еврейским терминам были найдены греческие эквиваленты, что обусловило устойчивость этих связей и в христианском мире. Один из таких случаев – перевод еврейского *olām* («век») греческим словом *aἰών* («айон», или «эон»). Смысл этих слов близок, оба они могут передавать как значение «век» (период времени), так и «бесконечность», «вечность». С двойственностью термина связан ряд трудностей, возникающих при истолковании некоторых текстов Священного Писания. Для большей ясности мы вводим термины «малый эон» и «большой эон».

Читая Библию на греческом языке, христиане обращались за разъяснением сложных мест не только к Церковному Преданию или к масоретскому тексту, но, по-видимому, и к некоторым античным источникам. Этот принцип прослеживается у многих авторов, прежде всего у Оригена. Связано это с образованием и мировоззрением христианских мыслителей поздней античности. Все образованные люди в то время проходили школу античной мысли (особенное внимание уделялось изучению сочинений Платона и Аристотеля), и это накладывало отпечаток на восприятие ими библейского текста, их собственный язык и особенно на терминологию. Разумеется, отношение христиан к трудам античных мыслителей было критическим, и потому труды святых отцов почти никогда не содержат ссылок на конкретных языческих авторов. Тем не менее такое влияние прослеживается.

Осмысление библейского «эона» также было связано с наследием мыслителей античности, что не могло не вызвать определенной коллизии.

Аристотель говорит о двойственности эона: «Айоном называется предел, охватывающий время каждой отдельной жизни, вне какового [предела] нет уже по природе ничего», а с другой стороны, «айон» есть «предел всего неба и предел, охватывающий все время и бесконечность»¹.

По мысли же Платона, Демиург «замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности (*κινητόν τίνα αἰώνος ποιῆσαι*); устроил небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в Едином (*μένοντος αἰώνος ἐν ἐνὶ*), вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем (*τοῦτον δὲ χρόνον ὄνομάκαμεν*)».

Хронос у Платона – тварный, обладает измеримостью, характеризуется движением, тогда как эон бесконечен, безначален, неизмерим и статичен. Фактически у Платона αἴώνιος является синонимом ἀῖδιος (т.е. в полном смысле бесконечный и безначальный, вечный).

С христианской точки зрения это не так. Эон ограничен, по крайней мере, с одной стороны. Ведь вопрос о начале большого эона связан с догматом о Едином Боге. Ничто не может быть совечно Ему, ничто не может быть нетварным, кроме Творца. Соответственно, большой эон тварен и имеет начало. Так о Сыне Божием сказано: «Имже и веки сотвори» (Евр. 1, 2).

Важность определения начала большого эона связана также с учением о рождении Сына Божия «прежде всех век» (то есть определяется антиарианской полемикой). Таким образом, верхняя граница определяется также тем, что Сын – не творение и рождается «превечно».

С другой стороны, постановка вопроса о возможности окончания большого эона (и то, в каком смысле это следует понимать) относится к области эсхатологии и связана с антиоригенистской полемикой.

Третья сторона вопроса – качество большого эона. Характеризуется ли он длением, подобно хроносу? Является ли он измеримым хоть в каком-нибудь смысле? Эта тема также связана с оригенизмом и полемикой, развернувшейся вокруг «всеобщего восстановления», или апокатастасиса.

Итак, эон, как синоним выражения «веки веков» в христианских текстах, всегда имеет верхнюю границу, так как был сотворен в самом начале, до сотворения материального мира.

Впрочем, Ориген видит эоны не только как некие временные «эпохи», но как миры, которые сменяют друг друга. Mundus и saeculum в латинском переводе его труда «О началах» фактически синонимичны². Сын Божий является «в конце веков», после чего у Оригена следует окончание «сего века» и апокатастасис. Затем, по его мысли, начинаются некие «другие эоны», относящиеся к «жизни будущего века».

Что касается вечности, то Ориген не пользуется никаким термином для ее обозначения: «Если же есть нечто большее, чем века, так что века [пусть] мыслятся [только] по отношению к творениям, [то] **по отношению к прочим [сущим], которые превосходят и превышают видимые творения**, – что будет, вероятно, при восстановлении всего, когда все совокупно (universa) придет к совершенному концу, – следует мыслить, что это, наверное, есть нечто большее, чем век, в котором будет окончание всего. Побуждает меня к этому [пониманию] авторитет Священного Писания, которое говорит: «На век и еще» (см.: Исх. 15, 18). Ведь то,

что оно говорит «еще», несомненно, подразумевает нечто большее, чем век. И поразмысль, не то ли, о чем говорит Спаситель, так как [изречения] «хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною» (Ин. 17, 24) и «как Я и Ты – одно, так и они да будут в Нас едино» (ср.: Ин. 17, 21), как кажется, намекают на нечто большее, чем век или века, может быть, даже большее, чем века веков, то есть, видимо, на то [состояние], когда уже не в веке будет все, но все и во всем [будет] Бог»³.

Это описание Оригеном «большого эона» соответствует, в общих чертах, той интуиции, которая затем проявляется в сочинениях многих святых отцов.

Как пишет святитель Василий Великий, «было нечто, как, вероятно, и прежде сего мира; но сие, хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование, как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее бытия мира было некое состояние, приличное премирным силам, превысшее времени, вечное, присно продолжающееся (ἡ ὑπέρχρονος, η αἰώνια, η ἀΐδιος)»⁴. Интересно, что в этом ряду предикатов заметно нарастание оттенка, относящегося к бесконечности.

Святитель Василий, как и Ориген, не употребляет термин «эон» в смысле «вечность» и называет это ἡκατάστασις, то есть установление, учреждение, или, как в дореволюционном переводе, – «состояние».

Святитель Василий говорит и о хроносе: «А когда уже стало нужно присоединить к существующему и сей мир... тогда произведено сродное миру и находящимся в нем животным и растениям преемство времени, всегда поспевающее и протекающее и нигде не прерывающее своего течения»⁵.

Мысль Платона о связи эона с бытием премирных сил, а хроноса – с бытием материальных творений была использована не только святителем Василием, но и святителем Григорием Назианзином: «Разве возьмем вечность, то есть продолжение, которое простирается наравне с вечным (вечными вещами), а не делится на части и не измеряется каким-либо движением, ни течением солнца, что свойственно времени»⁶.

Здесь появляется важная мысль о длении эона. Эта идея, как представляется, основана на том, что в подлинном смысле неизменяем только Бог. «Премирные силы» непрестанно возрастают в любви к Богу. Это изменение возможно только в том случае, если бесплотные существуют в некоем подобии земного хроноса, иначе они застыли бы в вечности неподвижно, и никакое изменение не было бы возможно. При этом святитель Григорий четко определяет разницу между эоном и хроносом: эон неизмеряем ($\mu\nu\tau\iota\zeta\delta\mu\epsilon\nu\omega\nu$), подобно времени. Это разграничение по-

лучит большое значение в дальнейшем, в период борьбы с оригенизмом.

Важный вклад в формулировку определений вечности и времени в связи с толкованием Священного Писания вносит преподобный Иоанн Дамаскин в 15-й главе «Точного изложения православной веры». У преподобного Иоанна выявляется следующая «классификация» эонов⁷:

1. «Антропный эон». Такой эон соответствует жизни человека («человеческий век»).⁸

2. «Космический эон». Измеряется движением Солнца относительно Земли. Можно понять, что один такой эон равен тысяче лет.

3. «Большой эон». Собственно, вечность. Этот эон не зависит ни от чего, просто «длится». «Большой эон» бесконечен, но не безначален, так как был сотворен.

4. Также различается «сей век» (семь космических эонов) и «век будущий».

Преподобный Иоанн выстраивает иерархию эонов. Так, выражение «веки веков» подразумевает, что «космические эоны» состоят из более мелких «антропных эонов». В свою очередь, «большой эон» содержит в себе «космические эоны». Как уже было отмечено, у преподобного Иоанна насчитывается семь «космических эонов», а также восьмой эон – «будущий век».

Конечно, это довольно условная арифметика. Во-первых, неясно, что представляет собой человеческий эон, который принимается за единицу отсчета: средняя продолжительность человеческой жизни или сотня календарных лет? Во-вторых, шкала времени, соответствующая творению мира около восьми тысяч лет назад, вызывает большие сомнения по целому ряду причин (о которых в рамках данной статьи мы говорить не будем)⁹.

Интересна тема о соотношении дления нашего космического времени и «большого эона». У святителя Григория Богослова (которого цитирует преподобный Иоанн) использован интересный глагол: «То самое, чем для нас является время, для вечных (ангелов) – эон, спротяженный (συμπαρεκτεινόμενον) существующим, как некое временное движение»¹⁰.

В версии преподобного Иоанна «нечто спротяженное вечным (творениям, то есть ангелам), как некое временное движение и размеренность (διάστημα – мат. “измерение, протяжение, расстояние”»).

Дление большого эона имеет большое значение в контексте возможности изменения состояния грешников, или даже оригеновского восстановления их природы «в первоначальном достоинстве». Здесь на передний план выходит вопрос о измеримости эона. Так преподобный

Иоанн Дамаскин, полемизируя с оригенистами, настаивает на том, что до сотворения солнца и луны οὕκ ἦν αἰών μετρήτος, то есть эон, не был измеримым. Отсюда, по св. Иоанну, следует невозможность оригенистских расчетов завершения космических эонов и наступления апокатастасиса.

Должен признать, что для меня остался не совсем понятным аргумент преподобного Иоанна (и какая разница между измеримым и неизмеримым эонами, при том, что оба они имеют дление). На мой взгляд, здесь также имеет место коллизия платоновского «неизмеримого эона» (концепция, взятая на вооружение святителем Григорием Богословом и преподобным Иоанном Дамаскиным) и толкования периодичности большого эона святителем Василием Великим в «Толковании на Шестоднев». Речь у последнего идет о «досолнечных» дне и ночи, появившихся еще до сотворения светил, причем день и ночь (точно соответствующие нашим, астрonomическим) чередуются сжатием и расширением света и никак не связаны с движением светил¹¹.

Встает вопрос: когда астрономического Солнца уже не будет, эта пульсация, внутренняя периодичность, размеренность, измеримость «большого эона» сохранится? Если предположить, что нет, то «большой эон» качественно изменится (превратится в непрерывный «день» по истечении «века сего», то есть семи космических эонов). Именно этой точки зрения, судя по всему, придерживается преподобный Иоанн Дамаскин.

Выражение «скончание века» использовалось оригенистами в поддержку своего учения об апокатастасисе. Однако православные толкователи понимают это выражение не как указание на окончание «большого эона» (то есть завершение «вечной муки», длившейся в течение этого времени), но в смысле окончания «сего века», или «семи эонов/тысячелетий», когда все испытания верных будут окончены и их будет ожидать восьмой эон, «будущий век». Как пишет святитель Иоанн Златоуст, «те тягостные вещи, говорит [Господь], которые вы будете переносить, окончатся [вместе с] преходящей жизнью, как только и сам век сей придет к окончанию»¹².

По словам преподобного Максима Исповедника, «есть еще и иные века, свободные от временного естества, [которые будут] после наступившего времени сего и после века, знаменующего собой скончание веков, по изреченному, “дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство” (Еф. 2, 7) и последующим словам»¹³.

И, наконец, есть совершенно иной уровень вечности: «Мы знаем, что, согласно Писанию, есть нечто превечное; [Писание] обозначило, каково оно есть, но что оно есть, не назвало, согласно сказанному: «Господь

царствуяй веки, и на век, и еще» (Исх. 15:18). Стало быть, чистое Царство Божие есть нечто превышающее века»¹⁴. В этом надвременном, таинственном эоне все стремящиеся к Богу «обретают покой от всякого движения, поскольку им больше уже не надлежит переходить через какой-то век или время. Ведь после всего [этого] они достигают Бога, Сущего прежде всех век, упредить Которого не в силах естество веков»¹⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенной работы удалось выяснить, что вместо двух уровней (эона и хроноса), введенных античными мыслителями, христианство выдвигает трехуровневую структуру: человеческий хронос, ангельский эон и третий уровень, соответствующий Царствуию Божию, которое является «надвременным» и, судя по всему, высшим «большого эона». Толкователи, начиная с Оригена, затрудняются связать его с каким-то одним термином.

Внимательно рассматривая Священное Писание, мы обнаруживаем загадочные и удивительные истины, скрытые в привычных нам выражениях, таких как «во веки веков», «на век», «скончание века». Мы пытаемся рассматривать эти тайны, призывая на помощь наших святых, которые силой благодати Святого Духа яснее предвидели суть жизни будущего века. Но и пользуясь их помощью, мы все же с трудом можем объять даже малую часть того, что было открыто им.

¹ «О небе» (De caelo I 9, 279 a 22-30).

² Серегин А.В. Гипотеза множественности миров в трактате Оригена «О началах». М.: ИФ РАН, 2005, С. 93

³ Цит. по: там же. С. 92-93.

⁴ PG 29b.13

⁵ Там же.

⁶ Mason 77; 2-4.

⁷ Определения и термины предложены мной с целью прояснения структуры. – Иером. Павел.

⁸ В этой классификации ранее введенный нами «малый эон» разделяется на «антропный» и «космический» эоны.

⁹ Как известно, в XV веке наши предки увлеклись темой вычисления эонов настолько, что уверились в скором наступлении конца света (ведь к 1492 году прошло 7000 лет от сложения мира). В тот год многие христиане не стали сеять хлеб, принялись одеваться в саваны и ложились спать в гробах. Ошибочность такого верования привела многих христиан к разочарованию, а впоследствии даже к распространению среди населения новгородских ересей.

¹⁰ PG 36.320B

¹¹ «И нарече Бог свет день, а тму нарече нощъ» (Быт. 1, 5). «Ныне, по сотворении уже солнца, день есть освещение воздуха солнцем, которое сияет в полуширии, лежащем над землею, а ночь – покрытие земли тенью, когда скрывается солнце. Но тогда не по солнечному движению, но потому что первобытный оный свет в определенной Богом мере то разливался, то опять сжимался, происходил день и следовала ночь». PG 29b.48. Рус. пер: Святитель Василий Великий. Беседы на Шестоднев. Беседа 2.

¹² PG 58.790

¹³ Прп. Максим Испов. Главы о богословии и домостроительстве Воплощения Сына Божия, 2.85

¹⁴ Там же, 2.86

¹⁵ Там же.